

Культур. - 1994. - 26 марта. - С. 5.

По профессии я театровед, но, увидев когда-то Владимира Самойлова в роли Ричарда III, был потрясен и очарован как обычный зритель. Потом ездил в Горький, смотрел актера в других спектаклях. Знаю и все его московские работы: в Театре имени Маяковского и в кино. А когда узнал, что Владимир Яковлевич — любимый актер нашего белорусского кинорежиссера Вячеслава Никифорова, напросился к нему в ассистенты. Хотел поработать на съемочной площадке в единственной надежде — оказаться поближе к Самойлову.

И вот, уже далеко не молодым человеком, осваивая новое и неблагодарнейшее дело, я был вознагражден беседами... На фильмах «Хлеб пахнет порохом», «Большое приключение», «Отцы и дети», «Дубровский» я имел удовольствие находиться бок о бок с Владимиром Яковлевичем и записывать наши разговоры, его устные рассказы.

— Владимир Яковлевич, режиссер Ефим Табачников о вашей творческой судьбе сказал примерно так: «Она — как трехступенчатая ракета. Первая ступень — Кемерово — вывела его в Горький, вторая — Горький — подняла его в зенит успеха, направила в Москву, а третья сгорела в Москве. В космос он так и не вышел, в столице не реализовался его огромный потенциал». Согласны ли вы с этим?

— Почти...

— В Белоруссии вас любят, да и вы здесь много снимаетесь. Кстати, без проб. Как вы вообще относитесь к пробам?

— Отрицательно! Проба — это своеобразная дегустация, когда тебя кто-то пытается познакомиться и даже укутить. Причем нас иногда «пробуют» люди, не имеющие ни вкуса, ни обоняния... Порой диву даешься: режиссеры не знают артистов, ни московских, ни ленинградских, не говоря уже о глубинке. Не ходят в театры!

У меня было много проб, но две не забуду до конца дней своих. По пути в Кемерово, ты знаешь, я пробовался не только у Охлопкова Станислав Чекан, знакомый мне еще по Одессе, был в то время в Театре Советской Армии и порекомендовал показаться А. Д. Попову. Пришли мы с моей Надей в назначенное время. Я почитал Маяковского, сыграли вместе парочку отрывков, Мастер посмотрел и молвил: «Такие краски у нас есть». Сколько лет прошло, вроде пора бы и забыть, простить великому режиссеру не могу. При одном упоминании Попова внутри все оживает, как старая рана. Я понимаю, что он имел в виду, но я лично не могу с этим согласиться и никогда не соглашусь. Человек изначально неповторим, актер — тем более. И — отождествлять его с красками?

Второй случай — проба у режиссера Фридриха Эрмлера. Ничего подобного в жизни больше не испытывал. Интеллигентность, такт, заботливость. Глубочайшее знание материала и, я бы сказал, трепетное отношение к актерской психике. Можешь себе представить, мы с Лилией Олимпиавной — сестрой Николая Гриценко, прекрасной актрисой, она пробовалась на роль героини, — репетировали под фортепиано, играл сам Эрмлер. Репетиционная атмосфера была изумительной! Я провалился на самой пробе — это другой вопрос. Сработал нервный тик — следствие контузии, но сам подготовительный процесс к пробе оставил неизгладимое впечатление. Творческий рай! Единственная в моей жизни подлинно высокохудожественная кинопроба! Где-то я прочитал мнение Григория Козинцева: кинопробы «заставляют меня вспоминать, как в рассказе Аркадия Аверченко пьяный попадал домой: приложив ключ к животу, он с разгона бросался на входную дверь, надеясь угодить ключом в замочную скважину». Сказано откровенно и главное — точно!

— Как вы проходили медные трубы?

— Фанфары, что ли? Я не считаю, что на меня обрушилась, как на некоторых моих собратьев, большая внезапная слава и давала, так сказать, повод к заблуждению «звездной болезнью», — ты это имеешь в виду? Некоторые удачи в театре и кино воспринимал абсолютно спокойно, без малейшего головокружения. На театре — это вообще не очень ощутимо, а в кино я пришел поздно, уже сформировавшимся и актером, и мужчи-

ной, зная цену всей этой трескотне и шумихе.

— И все же: приходилось ли вам использовать популярность?

— Приходилось. Долго не было телефона. Обратился, как положено, по инстанциям, и понял, что телефон мне поставят к пенсии. Решил хлопотать. Записался на прием к заместителю министра связи. Захожу в большой просторный кабинет. А замминистра, улыбаясь, мне навстречу: «Боже мой, кто к нам пожаловал!». Усадил. Чаем угостил. Тут же он набрал номер и закричал в трубку: «Ты знаешь, кто у меня сейчас сидит? Умрешь — не догадаешься... Назар из «Свадьбы в Малиновке!» Через неделю у меня дома стоял телефон.

— На Украине вы родились, в России прожили большую часть своей жизни, но вы же еще и народный артист Азербайджана.

— Ну как же! Я сыграл Шаумяна в «Двадцати шести бакинских комиссарах» и Нариманова в «Звезды не гаснут», оба фильма поставил Аждар Ибрагимов.

Во время съемок пришлось поездить, поглядеть — неповторимый край! И какое было гостеприимство, хлебосольство — фантастическое! Вспоминается один забавный случай. Сидим на банкете по поводу премьеры «Звезды не гаснут». Одна дама представительной внешности делает мне предложение — нанести к ним визит: обещает потрясающий сюрприз. Я люблю сюрпризы. Соглашаюсь. Пошли. Настроение хорошее, идем, шутим. Пришли. Она отмыкает квартирку, открывает дверь и гостеприимно пропускает меня вперед. Вхожу — длинный коридор, метров восемь, и на меня с обратной стороны трусой бежит огромный лев. Я без малейшего страха со словами: «Ах, какой же ты красавец. Здравствуй, здравствуй, дружок» иду ему навстречу. Лев прыгает на меня, кладет свои огромные лапы на плечи, я хватаю его за гриву и дружески похлопываю. Лев лизнул меня пару раз, убрал лапы и направился к хозяйке. Появился хозяин и был весьма удивлен, что мы так быстро нашли общий язык. «Вы второй человек в нашем доме, которого Кинг принял сразу. Первым был Расул Гамзатов».

— Занятно, конечно. Особенно если вспомнить, что потом ваш «приятель» все-таки растерзал свою хозяйку...

— Ну тогда расскажу совсем веселый случай, белорусский. На съемках фильма «Зимородок» жил я в гостинице «Минск» в одном номере с Глебом Стриженовым. Прекрасный, органичный актер, мужик — артельный, светлая ему память. В Минске в то время, в начале семидесятых, в магазинах прямо коммунизм наступил — было все! Или почти все! А уж, как у вас говорят, «чарка и шкварка» были в изобилии. Съемки обычно заканчивались в восемнадцать, ужинали в буфетах на этажах, ли-

бо в ресторане. Ну и засиделись как-то с Глебом допоздна.

А в те дни в Минске случилось крупное ЧП — взорвался завод. Как впоследствии выяснилось, была нарушена элементарная техника безопасности, но уж так мы были все воспитаны — в каждой аварии мерещились происки врагов. В Минск столько представителей «компетентных органов» понаехало! Поднимаемся мы по лестнице к себе, в хорошем подпитии и клянем гостиничное начальство: почему, мол, у них лифт не работает? Ну и вернули пару крепких слов. А впе-

«СОВЕТУЮ ТАК НЕ ШУТИТЬ»

реди нас, ступеньки на три-четыре, поднимается этакий атлет лет за пятьдесят в шикарном спортивном костюме и делает нам замечание: «Молодые люди, ведите себя поприличнее!». Мне бы промолчать, а я ему в ответ: «А кто ты такой, чтобы делать нам замечание? Понаехало тут вас на нашу голову! Выискивают, вынюхивают: кто взорвал да кто взорвал? Мы и взорвали! Верно, Глеб?» Глеб тут же поддержал хохму: «Конечно, мы, а кто же еще? Теперь вот поминаем». Только мы поднялись на площадку второго этажа, как, словно изпод земли, вырастают двое в штатском, предъявляют свои удостоверения органов госбезопасности и требуют предъявить документы. Мы предъявляем. Они документы забирают, провозжают нас до номера и удаляются.

В номере у нас хмель быстро прошел. Хотя это уже был не пятьдесят первый год, но все равно страх перед этой конторой сработал четко. Особенно переживал Глеб. Он, насколько я знаю, уже свое отсидел по той самой пятьдесят восьмой статье и в те минуты, очевидно, дал свободу «активному воображению». Почти всю ночь не спали. А утром, ровно в девять часов, — стук. Открываю дверь: стоит один из вчерашних молодцев в форме, предложил зайти в такую-то комнату и извиниться перед шефом. Я на дыбы: не пойду извиняться. Он — мягко так, но настойчиво уговаривает. Помылись еще немного и пошли. Постучали. Заходим. Сидит генерал-лейтенант. На наше приветствие пошел вразнос. Я, мол, тоже юмор понимаю, люблю артистов — но! Такое ЧП — впервые в Белоруссии, начальство давит с оргвыводами, мы сутками не спим, и тут еще вы! «Что, наверное, головы болят?» — достал из холодильника бутылку коньяка и «боржом». Налил нам граммов по сто пятьдесят, себе — «боржом», отдал документы и назидательно промолвил: «Желаю творческих успехов и советую больше так не шутить».

— Вы прожили богатейшую творческую жизнь и еще в хорошей форме. Что бы вы хотели пожелать сами себе в эти годы?

— Смелости и в какой-то мере, если хочешь, мужества: вовремя уйти из театра... Я не сторонник многих собратьев по лицедейству, которые мечтали и мечтают умереть на сцене и этим как бы поставить красивый аккорд во всей жизненной комедии. Некоторым это удавалось, и, говорят, даже было трогательно до слез, я их не осуждаю. Но на театре есть неписаный закон: вовремя — прийти, вовремя — пройти и вовремя — уйти! Если я в своем последнем театре, в «Маяковке», как-то «прошел», то пусть это и останется в доброй памяти.

Н. МАНОХИН.
МИНСК.